

Черно-золотая благодарность

Поздно ночью Гу Юшэн сидел в главном зале, когда вниз спустился Цзин, собираясь отправиться на Красную улицу.

Увидев задумчивого генерала, который сжимал в руках письмо, Цзин остановился и, замешкавшись на мгновение, упал на софу напротив него.

Они долго молчали, прежде чем Гу Юшэн заговорил:

— Ван Цзянь сказал, что в первые дни нападения демонов войска отбивались в землях близ резиденции Тан. — Голос генерала звучал ровно, ни малейшее колебание не выдавало его истинных чувств. — Как думаешь, почему они ушли оттуда без своего главнокомандующего?

Цзин опустил взгляд на угли, тлеющие в очаге рядом, и ничего не ответил.

По-прежнему не глядя на него, Гу Юшэн продолжал:

— Ван Цзянь видел, как горела резиденция Тан. Сказал, этот пожар простирался на весь Север. Огонь был настолько огромен, что едва не прожег небо. Слуги бежали оттуда по приказу князя.

В первые дни северная армия вела сражение у резиденции Тан, где и появились разломы в Призрачное царство, поэтому все солдаты стянулись на Дальний Север. Полагая, что в любой момент они смогут перенестись туда, где появятся следующие разломы, солдаты никак не ожидали, что силы их мечей и их самих окажутся подавлены извне. Так, основные войска остались на Дальнем

Севере. Передвигаясь только верхом на конях и пешим ходом, они были медлительны по сравнению с резвыми тварями, которые появлялись и исчезали словно по воле мыслей.

Гу Юшэн видел глаза Ван Цзяня в тот вечер и отраженные в них свежие воспоминания о событиях, которые произошли с ним лишь несколько недель назад. Тяжелым голосом северянин рассказывал о том, как из резиденции бежали люди. Его старший брат, командовавший оставшимся войском, хотел ринуться на подмогу князю Тан, но люди всё бежали с той стороны, и страх на их лицах говорил лишь об одном — резиденция пала. Перехватив нескольких приближенных слуг правящего клана, Ван Цзянь узнал, что две сотни людей были свидетелями гибели северного князя. По их рассказам, его жена скончалась в первую же ночь.

Обезумевший от горя Тан Цзычэн в одиночку выступил против новой волны вражеской армии и сразил бóльшую ее часть. А после погиб, прикрывая отход своих людей и защищая их до последнего. Сбежавшие северяне корили себя за то, что видели, как их князь идет на погибель, но ничем не могли ему помочь.

— Что стало с его наследником? — тяжело спросил тогда Гу Юшэн, глядя на огонь.

Ван Цзянь сокрушенно покачал головой:

— Не знаю. В ту ночь оттуда бежало так много людей и столько погибло... Сложно сказать. Почти все эти слуги были перебиты спустя еще два дня на мосту Чэньи.

Собрав остатки гвардии, Ван Цзянь решил выполнить последний приказ князя Тан, который тот передал вместе со слугами, — защитить гору Сюэ любой ценой. Во время перехода почти через весь Север Ван Цзянь потерял бесчисленное количество людей, но все же вывел последнюю сотню солдат к горе для битвы, которая и привела его брата в этот дом.

Несколько минут Цзин безмолвно созерцал всполохи пламени в очаге, а затем впервые за вечер заговорил:

— Вероятно, Тан Цзэмин вспомнит свое прошлое, когда печать будет снята. Но кто наложил ее?

Прикрыв глаза, Гу Юшэн ответил:

— Должно быть, кровь его рода таким образом защитила его. Рожденный в огне с редким духовным корнем, уже в таком возрасте он вряд ли смог бы совладать со своими силами. Это бы попросту убило его.

Гу Юшэн медленно встал и бросил в очаг смятое письмо. От жара края шелковой бумаги раскрылись, являя обрывок фразы: «...Ли Чуаньфан не признан виновным...»

Гу Юшэн выждал, пока бумага сгорит дотла, после чего сказал, не глядя на Цзина:

— Собирайся, мы выезжаем через час.

В следующие три дня на улице, где находился дом Сяо Вэня, бесчинствовали гвардейцы гильдии. Обычная городская стража едва ли могла противостоять элитным солдатам под командованием На Сюин.

Гвардейцы искали подлоги и собирали слухи о мошенничестве лекаря, иногда заключая под стражу того или иного торговца, словно провоцируя Сяо Вэня на действия. В городе тут и там с новой силой вспыхивали беспорядки. Лавки, оставшиеся без владельцев, были заняты в те же дни первыми, кто успел протянуть к ним руки.

Снадобье должно было быть готово через три дня. Все это время Лю Синь и Тан Цзэмин находились в доме лекаря, не выходя на улицу. Только по слухам Лю Синь узнал, что Шуя Ганъюна взяли под стражу, объявив его заговорщиком, поддерживающим городские восстания против гильдии, а также укрывателем преступников.

Таверна «Хмельной соболь» была лакомым кусочком, особенно в эти дни. Прознав, что владелец заключен в тюрьму, многие разорившиеся торговцы мигом слетелись на эту улицу. В «Хмельном соболе» было и лучшее в городе вино, и свежее мясо, да еще и свободные помещения наверху. На такой куш собрались даже те, кому Шуя Ганъюн платил за защиту.

Стражники под командованием На Жуин добросовестно выполняли свои обязанности, однако некоторые решили побеспокоиться о собственной безопасности и не примкнули ни к гильдии, ни к городской страже. В основном это были стражники низшего ранга, которые и в лучшие свои годы не отличались высоким положением и уважением. Разменяв когда-то данные клятвы и честь на дешевое вино и вседозволенность в ослабленном городе, они стали местными бесчинниками, что лишь марали цвета стражи Яотина.

Ма Цайтянь и Го Тайцун, спустившиеся на шум, пытались прогнать их, но слышали в ответ только насмешки и оскорбления.

— Прислужник, тащи вино и девок! — гаркнул кто-то.

— Так вон одна! На всех хватит!

Под громкий хохот Го Тайцун стиснул зубы, презрительно глядя на копыеносцев и едва удерживаясь от плевок в их сторону. Ма Цайтянь, которая проплакала всю ночь после ареста Шуя Ганъюна, покрасневшими глазами смотрела, как алое вино льется ручьями, образуя на полу лужи грязи. Увидев, что один из стражников поставил ногу на лестницу, намереваясь подняться, она рванулась вперед и пнула его со ступеней.

Не имея возможности что-либо сделать, все были растеряны и напуганы — даже никто из завсегдатаев не посмел бы помочь им. Остальные посетители, коих сегодня было немного, предпочитали молча пить свое вино; они искоса поглядывали на стражников и тут же опускали глаза, если их замечали. Отца Сы Мянью, который попытался выступить против захватчиков, сильно избили. И теперь единственный из постояльцев таверны, кто мог хоть что-то сделать, лежал с перебинтованной головой на втором этаже.

Отовсюду слышался хохот, и вино лилось рекой. Не связанные теперь законами и жалованьем Шуя Ганъюна, стражники творили все что хотели, дорвавшись до бесплатного вина и развлечений.

Двое мужчин в потрепанных бамбуковых шляпах медленно пробирались через толпу пьяных копыеносцев.

Скинутый с лестницы стражник мигом взметнулся с грязного пола, подхватив свое копьё. Скривив губы в злой ухмылке, он шагнул в сторону Ма Цайтянь.

— Сынок, — опустилась вдруг на его плечо тяжелая рука, — дай-ка дяде пройти.

Развернувшись, копьеносец тут же согнулся от сильного удара под дых и в следующий миг рухнул на пол.

Ван Цзянь снял широкополую шляпу, являя суровое лицо с приподнятыми в надменной усмешке уголками губ. Сверкнув глазами, он переглянулся с Пэй Сунлинем. Тот также завел шляпу на спину и, закидывая в рот орех, поставил ногу на грудь пытавшегося подняться копьеносца.

На несколько секунд в таверне воцарилась тишина, а затем раздался лязг копий — стражники безмолвно навели их на двух северян, отбросив чаши с вином.

Ван Цзянь растянул губы в широкую улыбку. Вскинув руки, он глубоко вдохнул и сложил пальцы в печать. Ветер всколыхнул его темные одежды, когда в воздухе появился лазурный духовный диск, испещренный кольцами заклинаний. Озарив стражников переливами духовной энергии, в следующее мгновение он сбил с ног все полсотни захватчиков и разбился на режущие осколки.

Под стенания и крики Ван Цзянь опустил глаза и оглядел свои ладони со всех сторон.

— Неплохо, брат, — тихо сказал он.

Проведя ладонью по груди, он развернулся к замершим на месте Ма Цайтянь и Го Тайцюну:

— Лю Синь попросил нас помочь.

Утирая пот со лба, Лю Синь сосредоточенно выверял каждую каплю вытяжки из плодов баньяна. Он и Сяо Вэнь работали без сна все эти три дня, стараясь как можно скорее закончить лекарство. Сяо Вэнь несколько раз пытался отправить друга отдохнуть, но Лю Синь только отмахивался и подливал им обоим бодрящего чая.

Тан Цзэмин и Байлинь все чаще отправлялись в травяные лавки, чтобы принести тот или иной ингредиент с разных концов города. Поначалу Лю Синь был категорически против отпускать подопечного на улицы, когда вокруг царили беспорядки, но в тот же день Тан Цзэмин убедил его:

— Ифу, я сильней, чем кажусь. Просто поверь мне.

Лю Синь напряженно смотрел на него, раздумывая некоторое время.

— Так вы сможете закончить быстрее, — добавил Тан Цзэмин.

И Лю Синю не оставалось ничего, кроме как коротко кивнуть и вздохнуть.

Тан Цзэмин не солгал — он был намного сильнее, чем казался, однако и Лю Синь беспокоился не на пустом месте: в городе вспыхивали беспорядки. Ни одна вылазка за травами и отварами не обходилась для Тан Цзэмина без приключений — его пытались ограбить все кому не лень. Увидев хорошо одетого подростка с мешочком денег на поясе, бесчинники рассчитывали на легкую добычу. Знал ли хоть кто-то из них, что они получают лишь сломанные кости и вывихнутые руки, которые тянули к подростку? Некоторые из стражников даже пытались метать в него копья издалека. Но те, так и не долетев до цели, вдруг разворачивались и неслись обратно к владельцам.

Тан Цзэмин проводил взглядом спину очередного неудачливого вора, уносящего ноги, а затем оперся рукой о стену, чувствуя головокружение и слабость. Моргнув пару раз, он увидел капли крови, разбивавшиеся о землю рядом с его сапогами.

— Ладно... сломанные кости так сломанные кости, — фыркнул он, утирая нос.

Байлинь рядом одобрительно захлопал крыльями.

Они возвращались обратно с очередной вылазки, когда увидели толпу горожан у дома Сяо Вэня. Обогнув их, Тан Цзэмин пробрался внутрь через задний двор.

Дом лекаря, защищенный заклинаниями, являл собой неприступную крепость. Однако, видя, как обыскивают другие дома и лавки, Сяо Вэнь не мог просто запереться и не впустить гвардейцев.

Лю Синь внимательно посмотрел на Сяо Вэня, слушая неприкрытое хамство пришлых, вломившихся в их дом. Лекарь оставался невозмутим: он стоял с выпрямленной спиной, а его глаза излучали уверенность.

Четверо мужчин бродили по комнатам под взглядами двоих оставшихся домочадцев, нахально заглядывая во все шкафы и полки.

Лю Синь сжал зубы, когда яркие подушки в зале смялись под сапогами гвардейцев.

Глубоко втянув воздух, он прокручивал в голове слова Сяо Вэня: «Не реагируй на их провокации. Им не за что зацепить меня, поэтому они будут действовать нагло, чтобы вывести нас из себя».

Гильдии требовались неопровержимые доказательства вины Сяо Вэня, чтобы втоптать в грязь его репутацию. Горожане хоть и встревожились, но даже среди них ходили слухи, что лекарь хоть и осудить незаконно.

Управлять таким большим городом, как Яотин, всегда было трудно. И сейчас, когда народ разобщен, худшим решением для гильдии казалось отвлечь от себя большую его часть. Сяо Вэнь прожил здесь тринадцать лет. Почти каждый в этом городе знал его доброе имя и помнил о помощи, которую он оказывал всем нуждающимся. Даже сейчас горожане толпились у дверей лекаря отнюдь не из праздного любопытства.

Тан Цзэмин появился вовремя. Увидев, что один из гвардейцев уже подошел к двери Лю Синя, он шагнул из темноты и предупредил:

— Вам там нечего делать.

Не успел гвардеец открыть дверь, как та тут же захлопнулась перед его носом.

— Это комната моего ифу. Только я могу туда заходить, — твердо сказал Тан Цзэмин.

Гвардеец хотел было рявкнуть что-то, но его прервал громкий голос командира. Находясь в главном зале, мужчина говорил так, чтобы и люди, стоявшие за порогом в открытых дверях, их слышали.

— Ходит слух, что лекарь Сяо пользуется своим положением, обирая горожан и продавая им низкосортные лекарства, — протянул командир, разглядывая в руках золотую пиалу, инкрустированную драгоценными камнями.

— Давно ли гильдия судит людей, руководствуясь лишь слухами? — спросил Лю Синь, внимательно наблюдая за действиями гвардейцев.

Разведя руки, командир с улыбкой ответил:

— Мы здесь как раз для того, чтобы развеять их. — Затем усмехнулся и закатил глаза: — Ну или утвердить.

Терпение Лю Синя подошло к концу.

— Покажите распоряжение, позволяющее вам обыск этого дома. — Сделав шаг вперед, он стряхнул со своего плеча руку Сяо Вэня, который попытался остановить его.

Толпившиеся за порогом люди зашептались громче. Командир поставил чашу и наигранно вздохнул:

— К чему эти формальности, брат? Мы, как честные жители этого города, лишь нанесли дружеский визит господину Сяо.

Не сводя с него взгляда, Лю Синь повторил, понизив голос:

— Распоряжение с основаниями для обыска. Или валите отсюда.

Гвардеец с мгновение смотрел на него, после чего широко улыбнулся, но в глазах плескалась надменность. Люди за порогом указывали на четверых солдат и обсуждали их действия уже в полный голос, сетуя на их вседозволенность.

Тихо стукнув гуань-дао по полу, командир щелкнул языком, напоследок окинув Лю Синя задумчивым взглядом.

— Хорошо, мы придем завтра.

Гвардейцы уже собирались уходить, когда один из них заметил прикрытые тканью корзины, стоящие в углу. Все эти дни Лю Синю и Сяо Вэню было не до оставшейся части подарков, так что они просто вынесли их в другие комнаты, решив разобраться с этим позже.

— Мушмула? — увидев желтоватое свечение из-под ткани, спросил гвардеец. — Я люблю мушмулу.

Сяо Вэнь и Лю Синь переглянулись, безмолвно соглашаясь в том, что пусть он утащит хоть все корзины, лишь бы их четверка поскорей покинула этот дом.

Гвардеец подошел к большой корзине и, скинув ткань, замер. Наклонившись, он поднял маленькую карточку и прочел вслух:

— «Мао Цимэй выражает свою глубочайшую благодарность за ваши наставления, учитель Сяо».

В следующее мгновение он с силой пнул плетенку. По полу покатались золотые жемчужины вперемешку с черной смородиной.

Сяо Вэнь в ужасе распахнул глаза, глядя на ягоды, запах которых не оставлял его с той самой ночи на горячих источниках. Иногда ему даже казалось, что он чувствует его в городе, проходя меж торговых лавок или в темных переулках.

— Это... — начал не менее пораженный Лю Синь, глядя на пол, усыпанный золотом и чернотой.

Командир опустил голову с тихим смешком — и тут же поднял ее, сверкнул взглядом и громко приказал:

— Схватить лекаря Сяо за сговор с преступником!

Толпа за порогом отшатнулась. Кто в городе не слышал о зверской резне, что произошла в одной из буддийских школ неподалеку?

Сяо Вэнь вскинул подбородок и сжал кулаки. Прекрасно понимая, что его подставили, он даже не пытался обелить себя словами — все напрасно и только на радость гвардейцам, в чьих глазах вспыхнуло предвкушение. Едва к лекарю приблизились два стражника, как Байлинь тут же сбил их с ног, расправив крылья перед лекарем и издав угрожающий клекот.

— Байлинь! — сурово оборвал его Сяо Вэнь.

Гарпия тут же опустила крылья и развернулась к нему с вопросом в глазах. Сяо Вэнь покачал головой, указывая птице отойти в сторону. Той не оставалось ничего иного.

Лю Синь ринулся к другу, когда Сяо Вэню связали руки. Глядя на Лю Синя, тот успел сказать лишь:

— Закончи снадобье сам. Ты сможешь.

После этого его быстро увели, и в доме остались только Тан Цзэмин, Лю Синь и Байлинь, который горестно вскрикнул в захлопнувшуюся дверь. Лю Синь долго смотрел в пол, сжимая кулаки под широкими рукавами.

— Ифу, — позвал Тан Цзэмин, — чем я могу помочь?

Лю Синь тяжело сглотнул и расправил плечи. Подумав немного, он повернулся к мальчику:

— Ты должен сходить в городскую библиотеку.

Когда за Тан Цзэмином закрылась дверь, Лю Синь прикрыл глаза, зарываясь в волосы пальцами. Байлинь тихо курлыкнул, привлекая к себе внимание, и удрученно посмотрел на него снизу вверх. Выдохнув и пригладив его перья на макушке, Лю Синь направился в мастерскую.

Сяо Вэнь предупреждал, что его арест лишь вопрос времени. В тот раз лекаря отпустили потому, что у гильдии были только обрывки его воспоминаний и никаких вещественных доказательств. Вынести приговор, имея лишь жалкие крохи улик, было невозможно. В Яотине действовали иные законы, нежели в империи, но люди бы все равно выступили с протестами, прознав, что лекаря пытали особо жестокими способами, буквально выдирая из него признания вины.

Гильдия все еще пыталась сохранить лицо перед народом. Гвардейцы хоть и действовали вне рамок закона, объясняя это тем, что суровые времена требуют суровых мер, однако не творили самосуд на улицах города — они учиняли его за стенами резиденции. Взятые под стражу торговцы, из которых на эту улицу вернулись всего двое, не помнили ничего, что происходило с ними в те дни. Но на их телах не было ран или каких-либо других следов, отчего люди испытали небольшое облегчение.

Лю Синь работал до самого вечера, не отвлекаясь на посторонние мысли. Он боялся, что если начнет гадать, что именно в данный момент происходит с Сяо Вэнем, то переживания захлестнут его с головой. Снадобье Бедового льва было сложным, требовалась полная сосредоточенность, чтобы не перепутать порядок ингредиентов и формул. Лю Синь бросил все силы, стараясь поскорее закончить, ведь единственный, кто мог помочь Сяо Вэню, — это Дун Чжунши, по приказу которого творились сейчас самосуд и бесчинства. Чтобы остановить все это, он должен был прийти в себя — должен был увидеть, во что превратил свой город.

Лю Синь понятия не имел, как проберется внутрь резиденции, позволят ли ему встретиться с главой и как ему вызволить Сяо

Вэня. Решив сделать перерыв и все как следует обдумать, он налил себе еще одну порцию бодрящего чая. Заметив, как дрожит отвар в чаше, Лю Синь надолго задержал взгляд. Как назло, мысли в голове смешались, словно в калейдоскопе, и просвета не было видно.

Три мерных стука в дверь выдернули его из тяжелых раздумий. «Цзэмин вернулся», — решил Лю Синь.

Отворив дверь, он удивленно приоткрыл рот, глядя на то, как человек перед ним снимает с головы капюшон.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

издательство

МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР

Максимально полезные книги